

Эту книгу Даниель Лопес Валье пишет всю свою жизнь. Или же рассказывает ее. На вечеринке в честь дня рождения, в самый разгар ночи, пытаясь кого-то утешить среди бела дня, за накрытым бумажной скатертью столом, попивая кофе или пиво. Стоит ему закончить очередную историю, как его друзья тут же начинают произносить тост. Вот какой эффект производят его рассказы. Более того, в его друзьях проснулась такая сильная любовь к историям, что они стали называть его Шахерезад.

Как и все хорошие туситалы¹, балансирующие между эпичной красотой и нежностью противоречия, Даниель способен захватить внимание любым рассказом, будь то о римлянах, нацистах, египтянах, жителях его района, футболистах клуба «Эльче», за который он болеет. Именно в Эльче, городе, где он родился в 1982 году и где вырос, Даниель открыл свои первые римские таблички, а в городской публичной библиотеке — первые книги. Он окончил факультет журналистики Автономного университета Барселоны — прекрасный способ стать безработным — и преодолел связанные с поиском работы трудности, участвуя и выигрывая денежные призы в программах вроде «Знать и выиграть»².

Его свободная от педантизма и преисполненная эмоций эрудиция связана с магией обнаружения величия

¹ «Туситала» на языке аборигенов означает «рассказчик». Именно так аборигены называли писателя Стивенсона.

² Saber y ganar (исп.) — телевизионная викторина.

в малом, слабости в силе, героизма в скромности и с повествовательной эйфорией, охватывающей того, кто умеет рассказывать, и того, кто умеет слушать. Он выбирает и рассказывает истории, полные человечности, потому что, кроме всего прочего, и сам является хорошим человеком.

Все эти годы он создавал Cuaderno¹, журнал, благодаря которому мы проводили наше лето увлекательнее и познавательнее. Во время работы над журналом ему приходилось читать множество объемных исследований, все ради того, чтобы проверить найденную информацию или обнаружить какую-нибудь совершенно блестящую и несправедливо забытую историю. Маленькую, но великую историю. До сегодняшнего дня лишь у его друзей был доступ к этой другой истории. И они всегда просили его рассказать еще одну. Непохожую ни на что историю. Невероятную историю. А сейчас эти невероятные истории принадлежат всем вам. Теперь и вы можете произносить тост после каждой из них.

¹ Cuaderno — журнал, который барселонское издательство Blackie Books издает каждое лето. В журнале можно найти различные «упражнения для тренировки и восстановления мозга».

Из Илиси¹ в Краков: вместо вступления

В городе, где я родился, — только задолго до моего рождения, еще до нашей эры, — произошла небольшая римская семейная трагедия. О ней нам стало известно благодаря двум красноватым табличкам, которые можно найти на одном похожем на свадебный торт центральном здании. На табличке покрупнее красуется надпись на латыни, а на той, что поменьше — ее перевод. Текст на латыни звучит так: DM | ULP MARCIANAE | VIXIT AN XXX | L CASSIUS IUNIA | NUS MARITAE | KARISSIMAE. А вот и примерный перевод этой фразы:

Богам — манам²
Ульпии Марцианы,
что прожила тридцать лет.
От Луция Кассия Юниана
Любимейшей жене его

Случившиеся две тысячи лет назад в Эльче ранняя смерть Ульпии Марцианы и горе Луция Кассия Юниана — не самый важный момент в контексте мировой

¹ Так во времена Римской империи назывался испанский город Эльче.

² Маны — в римской мифологии боги загробного мира, обожествленные души предков, покровители рода.

истории, но когда я прохожу мимо этой надгробной надписи, с того самого первого дня, как я увидел ее в детстве, мне непременно нужно повернуться и бросить на нее хотя бы мимолетный взгляд. Помимо того что спустя двадцать веков эта табличка находится у всех на виду рядом с витриной обувного магазина, в ней нет ничего особенного: первая строчка взывает к семейным духам усопшей, вторая уточняет возраст, в котором она скончалась, а потом ее супруг, с трезвостью, свойственной лишь римлянам, обращается к ней в последний раз. И на этом все. Смерть с косой и погребальный обряд. И тем не менее за всю жизнь мне встретилось не так много текстов, которые бы настолько меня тронули.

Несмотря на то, что об Ульпии и Луции нам больше ничего не известно, очевидно, что нам, современным людям, многие аспекты их брака и отношений показались бы недопустимыми. Более того, учитывая огромное количество всего того, что в ту эпоху могло привести к кончине человека, смертью в тридцать лет удивлять было особо некого. И все же, если вы читаете эти строки и не чувствуете нежность, грусть и истину, то, вероятно, у вас каменное сердце. Глубокая человечность — вот что меня всегда очаровывало в этой надписи. Двадцать веков спустя, живя в совершенно другом мире, мы без труда понимаем и чувствуем драму этой римской пары, которая ступала по той же земле, что и мы с вами. Наша жизнь не имеет ничего общего с их жизнью, но на нас снисходит озарение: это история о смерти любимого человека, и больше в ней нечего понимать. Такое случается сейчас, случилось тогда и будет случаться всегда.

Из-за самовлюбленности живых и нашей врожденной потребности искать во всем смысл история часто предстает перед нами как череда Великих Имен и Ве-

ликих Событий, необходимых и неизбежных. Она представляет собой впадающее в наше настоящее линейное повествование, в котором все происходит так, как происходит, потому что по-другому невозможно. Но правда в том, что если бы мы не оказались здесь, то с легкостью могли бы оказаться в каком-то другом месте. И в том, что, к примеру, история Римской империи может быть как историей Юлия Цезаря, так и историей Ульпии Марцианы и миллионов других Ульпий, что в ней проживали. И даже если мы говорим о Великих Именах, история того же Цезаря может быть просто набором дат и событий, а может пролить свет на другие детали. Какая информация важнее для понимания Цезаря как личности: тот факт, что он в таком-то году стал консулом, или то, как, по словам Гая Светония, он выщипывал волосы, любил красиво одеваться и не выносил, когда другие смеялись над его залысинами? Однажды, во время одной из диких попоек, друзья Александра Македонского довели его до такой степени, что он сжег Персеполь, и именно эта история, а не многочисленные описания сражений, лучше всего раскрывает его как человека, пусть и по одной простой причине: в конечном счете не боевые действия закончились сожжением самого прекрасного города на земле. Но, как говорится, у кого в жизни не было трудных ночей?

Монтень, который в ходе своих размышлений часто обращался к древней истории, писал, что в жизни знаменитых людей его больше всего интересовало «то, что происходит от духа». Он утверждал, что именно в этих историях находил «картину человека», «истину и многообразие внутренних состояний человеческой личности». Такой взгляд на прошлое имеет несколько преимуществ. Во-первых, прошлое становится более понятным, увлекательным, населенным людьми такими же реальными, как и все те, кто дышит этим воздухом сегодня,

людьми смелыми и трусливыми, добрыми и несчастными, великодушными и мелочными, а чаще всего, конечно же, теми, в ком эти качества переплетаются. Хоть эти люди и обитают совершенно в другой эпохе, в них мы узнаем все то, что делает нас такими, какие мы есть: это страсть, тщеславие, побуждения, жажда мести, любовь и дружба, собственная идентичность и место в мире, борьба за принадлежность, стремление выходить за рамки дозволенного и расколоть небо или же все с точностью до наоборот. А также сталкиваемся с волей случая, которая управляет происходящим гораздо чаще, чем мы готовы признать.

К сожалению, научиться чему-то можно лишь на собственных ошибках, а значит, история — это учительница, чьи уроки, если они вообще существуют, все пропускают мимо ушей. Но такой взгляд в прошлое тоже имеет свои плюсы: ореол святости исчезает, а мы избавляемся от невыносимого груза сакральных историй. Более того, прошлое становится увлекательнее. Таким образом, те, кто заглянет на эти страницы, увидят, что они населены именами большими и маленькими, моментами решающими и незначительными, историями яркими, забытыми, несчастливыми и абсурдными, в каком-то смысле необыкновенными и очень человечными. Также они увидят, что их основная, хотя и скромная цель заключается в попытке продолжать то, что Монтень любил находить в книгах: объединить обучение с развлечением и сделать это в форме чтения, которое может быть фрагментарным и не требовать «большого усилия»: за пятьсот лет до появления интернета бедняга признался, что читать по-другому он был просто «неспособен». Что уж говорить о нас самих.

И, наконец, желание. Те, кто заглянет на эти страницы, среди прочего найдут, а как же иначе, множе-

ство страшных историй: «Есть две вещи, которые текут и возвращаются, и благодаря движению, подобно водам рек, сохраняют свежесть и вечность: это кровь и золото», — писал Ферлосио¹. И все же, если какой-то дух и будет ходить по этим водам, то пусть это будет дух Виславы Шимборской² с ее ясным, точным и глубоко человеческим словом: «Реальность требует, чтобы и это было сказано: жизнь продолжается»³. В начинающемся с этих слов стихотворении Шимборская, которая, подобно миллионам других людей, испытала на себе последствия двух тоталитарных режимов своего века, задает вопрос: «Может, и нет иных мест, кроме полей битвы?» — но тут же говорит самой себе, говорит нам, что и в Каннах и в Бородино, в Вердене и Перл-Харборе, на Косовом поле и у мыса Акции жизнь продолжается, туда долетают письма, там танцуют парочки, ездят фургоны, а дети едят мороженое: «Где Хиросима, там опять Хиросима и производство товаров повседневного потребления. Этот ужасный мир — не без обаяния, не без рассветов, на которых хорошо просыпаться». Она задается вопросом: «Какая отсюда мораль?». И сама же дает на него ответ: «Наверное, никакой». Но в конце приходит к выводу, что «на трагических перевалах ветер срывает шляпы с голов, и никак не помочь — нас смешит эта картина».

В конце этого путешествия сквозь века мы увидимся вновь. А пока давайте же смеяться. Ведь жизнь продолжается, и реальность требует, чтобы это было сказано.

¹ Рафаэль Санчес Ферлосио — испанский писатель.

² Польская поэтесса, лауреат Нобелевской премии по литературе 1996 г.

³ Здесь и далее в пер. А. Щетникова.

Не в своей тарелке

Когда поэт Марк Валерий Марциал впервые оказался в Риме, ему на тот момент уже исполнилось двадцать пять лет, у него было мало денег и не слишком много знакомых, но он надеялся, а может, даже и был уверен, что в центре мира обязательно найдет то, что его родная Испания не смогла ему дать: славу и богатство. И если многие другие люди, прибывавшие в Рим в поисках того же, терпели неудачу, то Марциал, пусть отчасти, но добился успеха. Именно в том, что его волновало меньше всего.

Марциал прибыл из города Бильбилис, что располагался, с одной стороны, неподалеку от Колонии Цезараугуста¹, а с другой — в пяти днях езды (если быстро гнать лошадей) от столицы провинции — Тарракона². Давайте же представим себе этого недавно прибывшего, гордившегося «происхождением от кельтиберов» и хваставшегося своей «непослушной испанской гривой», в его первый день в мегаполисе. Напуганный до смерти, подавленный, беспомощный. Возможно, он испугался толпы, шума, запаха, царившего на улицах

¹ Старинное название современного испанского города Сарагоса.

² Современная Таррагона.

безумства. Эта картина, безусловно, потрясала. Каким бы ни был его первый день в Риме, нетрудно догадаться, что после ничего хорошего не случилось, иначе информации о Марциале было бы гораздо больше. Нам известно лишь то, что в течение последующих двадцати лет, после 64 года, года его прибытия, он безуспешно пытался быть адвокатом, писать рекламные тексты и прославлять императорскую семью. Кроме того, он написал несколько стихов, о которых спустя годы предпочитал не вспоминать, и снимал комнатушку на третьем этаже здания на улице Пераль — комната была настоящей дырой, с одним-единственным окном. Окном, которое, к тому же, едва закрывалось. Тем не менее, учитывая, что Марциал завел много друзей и не умер с голоду, можно предположить, что дела у него шли не так уж и плохо.

Эти два десятилетия богемного выживания, восхваления сильных мира сего, прошения милостыни и погружения в изматывающую столичную суету вылились в увидевший свет в 86 году сборник эпиграмм (небольшие стихотворения, колкие, остроумные, сатирические, впитавшие в себя римский юмор). Это была первая из двенадцати книг, благодаря которым Марциал вошел в историю. На страницах этих книг мы можем прогуляться по улицам Рима и посетить его форумы, театры, рынки, публичные дома, таверны, библиотеки, храмы, дворцы, мраморные портики и грязные углы, кварталы с лачугами и общественными банями, небольшие книжные магазины и большие виллы; его стихи рассказывают истории о трактирщиках-мошенниках, продающих грязную воду словно вино, о бесполезных врачах, которые не лечат от болезней, а провоцируют их, о профессиональных пьяницах, живущих от одной пирушки до другой, о людях в поисках наследства, соблазняющих умирающих бездетных стариков,

о модниках, купцах, попрошайках, женщинах и мужчинах, господах и слугах, плебейх и патрициях, новых и старых богачах, привлекательной молодежи и лысых в париках, а также о великих лицемерах, как Невол, о котором Марциал пишет так: «Член заболел у раба, ты за задницу держишься, Невол — нужно ль оракулом быть, чтобы понять, что к чему?» А еще поэт жалуется, жалуется не переставая. На пекарей, которые не дают спать по ночам, на школьных учителей, которые не дают спать днем, на кузнецов, глашатаев, торговцев, разносчиков, из-за которых ни на минуту нельзя сомкнуть глаз. На друга-нахлебника, который просит дать почитать книги, но не покупает их. На знакомую, у которой отвратительная привычка целовать свою собаку в морду. На это окно, которое едва закрывается. На этот ужасно суетливый Рим, раскинувшийся у изножья его кровати, жестокий город, в котором «дорого голодать» и в котором можно только чудом выживать, город, в котором он начинает сожалеть о том, что его родители, «идиоты», отправили его учиться грамоте, а не чему-то более практичному. Самый неистовый город на свете, вулкан из миллиона душ, который вынуждает его воскликнуть: «Розы бери, развались, пей вино, умащайся ты народом!»¹ Уникальное место в мире, подарившее ему славу, но не богатство. Место, в котором он всегда чувствовал себя не в своей тарелке.

Или, по крайней мере, так считалось. Правда заключается в том, что Марциалу надоело влачить жалкое существование, прозябать в бедности и зависеть от покровительства других. А еще ему надоели судебные разбирательства, зависть и сложности общественной жизни большого города. Он скучал по Испании и постоянно мечтал о том, как вернется в свой родной

¹ Пер. Ф. Петровского.

Бильбилис и вновь увидит снега Монкайо, воды Тахо и Халон. Он мечтал о том, как будет жить плодами земледелия, искать дрова и охотиться в близлежащем лесу, вести спокойную и простую жизнь и сможет наконец выспаться. Несмотря на то, что его книги читали не только по всему Риму, но и по всей империи, ему так и не удалось достичь того уровня престижа, с которым приходит и богатство. Для этого нужно было писать разную эпическую чушь, полную циклопов, минотавров и горгон. Чушь, которую он, сентиментальный лентяй и остролов, отказывался писать. «Здесь человека найдешь — им моя книжка сильна!»¹ — гордо провозглашал он, говоря о своих произведениях. В общем, он мог сколько угодно мечтать о возвращении, но ему было нечем оплатить это путешествие. В конце концов его друг, Плиний Младший, возможно, сжалившись над ним, одолжил ему денег. И спустя 34 года Марциал наконец вернулся в родной дом.

Теперь он оказался в своей тарелке. На первых порах он поселился в доме, подаренном ему поклонницей и подружкой по имени Марцелла, и, казалось, наслаждался тем подобием идиллической жизни, которую сам себе придумал. Более того, в одной из своих эпиграмм, посвященных другу, поэту Ювеналу, Марциал смеется над страданиями, которые последний претерпевает в Риме, и сообщает, что сам, дескать, напротив, встает поздно, хорошо питается, не тратится на одежду и проводит время в кругу хороших простых людей: «Так и жить я хочу и так скончаться»², — заключает он. Однако через некоторое время что-то идет не так. Три года спустя, в своем, возможно, последнем написанном тексте, он сообщает одному из своих друзей о том,

¹ Пер. Н. Шатерникова.

² Пер. Ф. Петровского.

что ему осточертели поля, горы и леса и что он скучает по улицам, театрам, библиотекам и праздникам Рима. Он даже перестал сочинять стихи и пишет их лишь тогда, когда его обязывают. А что до хороших и простых людей, то Марциал может вытерпеть лишь Марцеллу. Соотечественники кажутся ему убогими и завистливыми, и рядом с ним в деревне живут негодяи, которые, как он пишет одному из друзей, и вовсе сделали его существование невыносимым. Кроме того, будто бы всего перечисленного было недостаточно, если ему не хотелось умереть с голоду, то даже в Испании приходилось просить милостыню и рано вставать: «Милый мой Рим, раз и здесь вставать засветло, лучше вернись». Но он не вернулся.

В Риме он оставался испанцем, в Испании же пытался поступать как римлянин. И если не брать во внимание другие очевидные вещи, именно поэтому история Марциала представляет для нас такой интерес. Ведь она повествует о чем-то столь же человеческом, как сам смех: о том, каково это — ощущать себя не в своей тарелке. Нет ни одного человека на земле, кто бы не испытывал это чувство хоть раз, и, к сожалению, есть даже те, кто с этим чувством проживает всю свою жизнь. Иногда оно рождается изнутри, иногда навязывается извне; иногда оно зависит от того, находимся мы в определенном месте или нет, а иногда — от общества, которое нас окружает. Порой нам кажется, что мы не на своем месте, а иногда бывают моменты, и их, наверное, гораздо больше, когда нам не позволяют оказаться на том месте, которое мы жаждем занять. Это чувство появляется снова и снова, сколько бы раз мы ни перемещались из одного места в другое, уподобляясь Марциалу. Возможно, его история и другие, которые идут в продолжении, смогут послужить нам уроком. Это истории о жизни людей, которые по раз-

ным причинам не смогли найти себе подходящего места в окружающем мире. В действительности в этом мире порой для них и вовсе не было никакого места.

Но напоследок нужно сказать, что спустя шесть лет после возвращения в Испанию, при неизвестных обстоятельствах, Марциал скончался. Новость о его смерти сильно огорчила Гая Плиния. В письме, в котором он сообщает их общему другу о кончине Марциала, он описывает умершего следующей фразой: «Был он человек талантливый»¹. Также Плиний задается вопросом, останутся ли стихи Марциала в истории, так, как этого и хотел их автор. В таком случае, возможно, узнав, что две тысячи лет спустя мы продолжаем читать его эпиграммы, Марциал бы обрадовался. А может быть, и нет. Судя по тому, что мы о нем знаем, он бы, скорее всего, сказал, что посмертная слава — это, конечно, здорово, но он предпочитает деньги. И, если уж на то пошло, тихую, расположенную не на последнем этаже, квартиру. Со множеством окон. Или даже с одним, лишь бы оно плотно закрывалось.

¹ Пер. М. Е. Сергеенко.

Высокая, тощая, с огромным носом

*О девушке, которая противостояла нацистам,
делая то единственное, что умела*

Гораздо хуже, чем можно себе представить. На самом деле ее звали не Эдда ван Химстра. Ее настоящее имя звучало очень по-английски, возможно, даже слишком. И в Нидерландах, оккупированных немцами, эта деталь могла стоить ей жизни. Идея сменить имя принадлежала ее матери, которая чувствовала вину за то, что обрекла дочь на такое существование, и не хотела без необходимости подвергать ее риску. В 1939 году, за шесть лет до этого, все было по-другому. Они обе жили в английской глубинке, где Эдда наслаждалась получением привилегированного образования. Затем Германия вторглась в Польшу, Великобритания объявила Германии войну, и мать Эдды решила вернуться на родину, надеясь на то, что нейтралитет, который соблюдала ее страна, позволит им жить вдали от конфликта. Она ошиблась: в 1940 году, без объявления войны, в ходе blitzkrieg нацисты захватили Нидерланды. Через пять лет скрывающиеся в подвале Эдда и ее мать из-за голода и холода окажутся на грани смерти.

Эдда ван Химстра родилась в Брюсселе в 1929 году. Ее отец, Джозеф Растон, британский подданный, слу-

жил почетным консулом в Ост-Индии. Ее мать, Элла ван Химстра, была потомственной аристократкой, наследницей голландских баронов. Благодаря своему происхождению маленькая Эдда уже в пять лет начала заниматься балетом и бегло разговаривала на английском, французском, голландском, испанском и итальянском. Из-за работы отца семья Эдды перемещалась из одной страны в другую, пока наконец не обосновалась в Англии, где Растон присоединился к Британскому союзу фашистов и стал крутить романы с гувернантками. Элла, сытая по горло изменами мужа, развелась с ним и переехала на юг Лондона. Когда вспыхнула война, мать вместе с дочерью перебрались в тихий и живописный, на тот момент, голландский городок Арнем, где у родителей Эллы был свой дом. Первые годы немецкой оккупации Нидерланды, современная, развитая и просвещенная страна, провели достаточно спокойно. Несмотря на то, что имущество семьи конфисковали, в жизни Эдды были футбольные матчи, пикники в поле и уроки балета. Но с наступлением 1942 года все изменилось. Терпевшая серьезные поражения Германия ужесточила контроль над оккупированными территориями. На глазах у Эдды за принадлежность к Сопротивлению расстреляли ее дядю, а брата Яна сослали в один из берлинских трудовых лагерей, где он умер в рабских условиях: «Мы видели, как молодых людей ставили к стене и расстреливали. Для этого перекрывалась целая улица, затем ее не торопясь открывали, и вы могли снова спокойно продолжать путь... Не ставьте под сомнение ничего из того, что вы слышали или читали про нацистов. На самом деле все было гораздо хуже, чем можно себе представить». Эти две смерти убедили ее в необходимости бороться с немцами. И Эдда решила сражаться тем способом, который ей лучше всего удавался: танцуя.